

Михаил Швыдкой, министр культуры Российской Федерации

1. С какой традицией русской культуры вы себя отождествляете?

Если говорить о том, что мне больше всего дорого в русской культуре, то я бы все-таки назвал конец 19-го – начало 20-го века. Я считаю, что это один из самых продуктивных периодов в русской культуре. В литературе мне дороже всего та традиция, которая сложилась в прозе Толстого, а если говорить об изобразительном искусстве, то, конечно же, та живопись, которая балансировала на очень хрупкой грани реализма и модернизма. Я имею в виду серебряный век. Если коснуться персоналий, то, пожалуй, я назвал бы двух художников – Серова и Репина, которые для меня составляют существо российской духовной культуры. Естественно, что на Западе знают и особенно любят авангард, искусство, которое получило такой расцвет в 10-е – 20-е годы, но, повторю, при всем моем восхищении творчеством Кандинского или Стравинского мне все-таки ближе искусство конца 19-го столетия.

- Вы назвали Толстого в числе самых значимых для вас художников. В чем его ценность на сегодняшний день?

Кроме Толстого есть еще один очень важный и внутренне близкий мне человек – Томас Манн. Чем близки мне эти два художника? Оба обладали невероятно сложным взглядом на человеческую жизнь. Для меня мучительно сегодняшнее бесконечное упрощение жизни, сведение ее к какому-то нечленораздельному мычанию. Поэтому с годами все больше и больше вживаешься в творчество Толстого, Достоевского, который мне, может быть, несколько менее близок, Томаса Манна, Марселя Пруста и заново переоцениваешь это наследие. Это именно те писатели, которые спасают от мучительного упрощения всего на свете. Недавно мы с женой читали Войну и мир, буквально вырывая книгу друг у друга, как будто это новый бестселлер и мы не знаем, чем все это закончится. От этого романа невозможно оторваться, настолько мощно и глубоко рассказана жизнь человеческая. Его можно читать всю жизнь, перечитывать, и этого хватит, наверное, до смерти.

- А если коснуться Серова, которого вы тоже вспомнили как особенно близкого вам автора? Чем дорог вам Серов?

У Серова есть попытка уйти от плотности и тяжести бытия изобразительного и редкостное понимание хрупкости жизни, ее утонченности. Между тем он остается в формах сюжетной живописи, которая связана с жизнью, а не просто с неким живописным, колористическим сюжетом, как у более поздних художников. Я в искусстве ценю прежде всего то, насколько трепетно оно может отражать жизнь. В этом смысле Серов удивительный художник.

2. Какую эпоху русской культуры вы считаете вершинной и почему?

Я думаю, что все-таки вершиной русской культуры был рубеж 19-го и 20-го веков. Это был тот момент, когда русская культура, если угодно, вырвалась из своей замкнутости, но не буду говорить провинциальности, хотя у многих исследователей изобразительного искусства такое суждение существует. Не утратив своей самобытности и абсолютного национального духа, она ощутила всемирность и всемирную отзывчивость, как писал Достоевский. И это очень важно. В таком смысле это вершина русской культуры.

3. Как сказалоь на развитии русской культуры завершение советского периода истории России?

Я бы начал с того, что 20-й век был сложным веком для русской культуры в целом, потому что была культура метрополии, связанная с советской идеологией или с оппозицией советской идеологии, и была культура диаспоры, которая по-своему развивалась. Важным моментом для русской культуры оказался конец 80-х и 90-е годы, когда культура метрополии и культура диаспоры воссоединились. Возник феномен, который мы недопоняли и недооценили до сих пор. Сейчас эта русская культура по-другому развивается, совершенно в новом качестве. Надо понять, что, например, Марк Веллер, который пишет в Эстонии, и Андрей Волос, который сформировался в Таджикистане – это два разных русских писателя, которые, существуя в контексте других культур, по-разному развивают русскую культуру, так же как Дина Рубина, которая живет в Австралии. Этот момент воссоединения для русской культуры очень важен. И я думаю, что все это еще отзовется в ближайшие годы.

Для нашей культуры распад СССР и конец советской идеологии был, конечно, трагическим, если иметь в виду, что трагедия – наиболее оптимистический жанр из всех возможных. Это была трагедия для многих людей: для тех, кто боролся с режимом творческим образом, и для тех, кто режим поддерживал. Как ни странно, как только режим рухнул, выяснилось, что бороться не с кем и делать нечего. Дальше надо было бросать вызов Господу Богу или самим себе, а это оказалось очень трудным. Отсутствие врага в лице советской власти сильно отразилось на мышлении многих художников и на их творчестве. Но с конца 90-х годов ситуация тоже очень непростая, причем она непростая во всем мире. Дело в том, что сейчас в искусстве есть место всем направлениям. Это касается и живописи, и музыки, и театра. Хочешь быть соцреалистом – пожалуйста. Хочешь быть гиперреалистом – на здоровье. Хочешь показывать голую задницу – твое дело. На все есть деньги. И есть возможность для показа. Это, с одной стороны, демократично, и я как министр культуры могу сказать, что мы должны обеспечивать возможность показывать все, если это в рамках конституции. А вот дальше наступает

момент драматический, потому что все, что мы наблюдаем, свидетельствует о «дряблости мышц» и размягченности сознания.

Искусство сегодня потеряло энергию. Оно потеряло драйв. Оно либо хочет все время продаваться и тогда делается по известной рецептуре, либо оно анемично. И очень редко, когда кто-то в дикой, невероятной борьбе с собой пытается что-то сделать. Потому что заставить сегодня слушать, смотреть, да просто остановить внимание очень трудно. А напрягаться еще труднее. Публика не очень к этому готова. Она все время ждет от режиссеров, дирижеров конфету в красивой обертке, которую приятно съесть. Такая проблема сегодня реально существует. Поэтому сегодня человеку, художнику трудно создать какое-то произведение искусства, которое было бы важно прочесть. Не просто интересно, не просто развлекательно, а важно прочесть, посмотреть, услышать. Таких произведений сегодня считанные единицы, а может быть, и вовсе нет. Я рискую тут прослыть мизантропом. Но, может быть, это такой период развития культуры в целом, когда происходит какое-то накопление, а потом будет выплеск. У меня ощущение, что это относится к общемировой ситуации. А может быть, я просто старый, потому что одно дело, когда ты привык к тому, что есть великие театральные режиссеры: Брук, Штайн, Стрелер – и вдруг их нету. Или вдруг они состарились и не очень хорошо ставят. Или что-то в этом роде происходит.

- Может быть, мы не очень хорошо знаем молодых художников и не очень внимательны к ним?

Наверное. Я не могу сказать, что я так уж внимателен ко всем, хотя мы на молодых делаем ставку. Я считаю, что появление такого режиссера, как Кирилл Серебренников, который поставил два спектакля в Москве, телесериал и ряд постановок в провинции – это интересное явление. Появился Евгений Гришковец, замечательный совершенно моноартист, такой человек-оркестр. Но одно дело талантливые индивидуальности, и они будут всегда, они будут появляться, особенно в актерской среде, даже в литературной. Другое дело – прорыв в некоторое новое качество. Мне кажется, что литература все-таки сегодня существует в такой постмодернистской стадии, когда культура цитирования важнее смысла, скажем так. Это проблема в самих художниках, в самом творчестве. Сделайте что-нибудь, чтобы вы стали интересны и важны всем. Сделал же себя Борис Акунин интересным всем. Другое дело, что это беллетристика, но в известном смысле Умберто Эко – тоже беллетристика, такой же постмодернизм, а не первородная литература, но это уже другой вопрос. У нас в принципе много беллетристов, которые выдают себя за главных русских писателей. Так у нас сложилось. Когда Павел Александрович Марков, один из моих учителей, великий завлит Художественного театра, выдающийся театровед, пришел на спектакль одного модного актера и посмотрел его в роли, которая была восхвалена всеми до небес, он довольно трезво сказал: «Вы знаете, в Художественном театре с этого только начинали работать над ролью». Сегодня это так, к сожалению. Культура изменилась, куль-

тура восприятия изменилась. Мы тоже, может быть, чего-нибудь не воспринимаем по-настоящему глубоко.

- Можно ли утверждать, что проблемы русской культуры постсоветского времени идентичны проблемам мировой культуры?

Вообще развитие культуры в 20-м веке идет поверх барьеров, поверх границ. Если мы посмотрим на развитие культуры в 50-е годы 20-го века в Италии, в Великобритании, в Германии, в Америке и в России, то мы убедимся, что при всех различиях идеологической ситуации, при очень жестком железном занавесе некие тенденции были очень похожие. Скажем, театр «Современник», конечно же, был связан с неореализмом итальянским, с английской драматургией «рассерженных», а с другой стороны, с таким новым документализмом, который чуть позже появился, в начале 60-х годов. Когда взорвались 60-е годы, у нас это воплотилось в живописи, отчасти в музыке, а в театре это была Таганка и возвращение Мейерхольда. То есть, как ни странно, импульсы были схожие. Я думаю, что все-таки искусство развивается какими-то своими циклами, и эти циклы настолько властны, что они пробивают социально-экономические вещи. Человечество едино на самом деле при всех своих различиях. Хотя я скажу, что, конечно же, в 90-е годы культура России изменилась еще и потому, что она попала в очень сложную экономическую ситуацию. С одной стороны, открылся мировой рынок труда. Сегодня русские люди востребованы на мировом рынке труда довольно активно. Я сам этим занимался. Я читал лекции в Америке во второй половине 80-х, это был вид заработка. Я не собирался никуда уезжать, но я ездил на месяц–полтора, читал лекции, возвращался и целый год мог работать заместителем министра культуры. Но это я говорю про свои такие скромные возможности. А танцовщики, музыканты! Сегодня ряд первых русских музыкантов живет за границей и вполне успешно. Это совершенно новая жизнь, совершенно другая.

- В начале 20-го века русская культура мощно оплодотворила мировую культуру, поскольку наши выдающиеся люди были вынуждены покинуть Россию. Сейчас мы вновь теряем лучших представителей нашей культуры. Не приведет ли это русскую культуру к полному «обесточиванию»?

Когда мы говорим о русской культуре первой половины 20-го века, то тут надо вспомнить и Питирима Сорокина, без которого не было бы американской социологии, и Семена Франка, и Гурджиева, и других. Сейчас ситуация схожая, но есть некоторые отличия. Тогда был социальный слом. Люди уезжали, руководствуясь не экономическими причинами. Они уезжали из России, переживая трагедию отъезда. Сегодня нет трагедии отъезда. Сегодня есть нормальный экономический резон. Почему едут музыканты, танцовщики, иногда кинорежиссеры, но не едут литераторы, философы? Там такой потребности сегодня нет. А на рынке труда другая потребность. Сегодня мы читаем, что каждый пятый стружник в ведущих оркестрах США – выпускник русской консерватории. Проблема,

конечно, остается, и она связана с тем, что у нас скоро некому будет учить. Последний конкурс Чайковского показал, что выигрывают дети китайские, корейские, японские, у которых либо русские педагоги, либо их педагоги – ученики русских педагогов. И это происходит потому, что русская система художественного воспитания лучшая в мире. Я это говорю не в горячечном бреде. Я говорю об этом со всей большевистской прямоотой. У нас могут быть проколы и просчеты сейчас в подготовке, скажем, кинооператоров, кинорежиссеров, потому что там очень многое связано с материальной базой, с техникой и т. д. Но что касается подготовки традиционных художников – музыкантов, живописцев, театральных режиссеров, актеров, то у нас школа, которая не уступает никому и не уступит в ближайшее время никому. Другое дело, что нам надо резко поднять зарплаты, чтобы педагоги здесь могли работать. Мы это сделаем в будущем году в Московской и Петербургской консерваториях, во всяком случае, поднимем зарплаты на порядок. Мы подготовили документ, который позволит выплачивать специальный президентский грант этим двум образовательным учреждениям, и педагоги смогут получать пока не европейские, но достаточные деньги. Нам важно сохранить традицию образовательную, что существенно.

Непонимание специфики художественного образования у меня вызывает уныние. Сейчас появилась идея университетских округов. Университет начинает выпускать театральных артистов на западный манер. Но дело в том, что эти курсы, которые берут студенты в западных университетах, никакого отношения к профессии не имеют. Эти курсы берут юристы, политологи, люди публичных профессий. Они набирают себе баллы по актерскому мастерству, по истории театра просто потому, что это входит в состав их будущей профессии. Очень мало университетов, где готовят действительно специалистов театральных, как, например, школа в Гарварде. А театральная кафедра, театральная факультет – это часть общего университетского образования, не более того. То же самое с музыкой. Во многих университетах есть симфонические оркестры, но это не имеет отношения к профессиональному музицированию. У нас существует профессиональная система образования, и на этом мы стоим твердо.

4. Ощущаются ли изменения в культурной ситуации в связи с приходом к власти нового лидера?

Я бы так сказал: изменилась экономическая ситуация. Впервые за последние четыре года культура твердо финансируется. Дисциплина экономическая дает возможность рассчитывать бюджеты и прикидывать: что мы можем, а чего не можем осуществить.

- А если говорить о некоторых приоритетах?

Если говорить об идеологии, – а я не боюсь этого слова: культура всегда связана с идеологией, так или иначе, – то я бы обозначил две позиции. Первая: президент России Владимир Владимирович Путин – человек, который придерживается европейских цивилизационных ценностей и европейского понимания того, что есть свобода творчества. Неслучайно президент наложил вето на закон о СМИ, связанный с предложенными думцами правилами журналистской работы во время террористических актов. Это было вето сознательное и связанное с пониманием именно того, что в демократическом обществе вместо запретов должны работать другие механизмы. Я могу твердо сказать, что никакого вмешательства в художественную жизнь сегодня не существует, и мы на этом очень жестко стоим, в том числе и Министерство культуры.

Я могу сказать одну вещь очень существенную для понимания сегодняшней ситуации. Впервые за 10–11 лет существования новой России Министерство культуры (президент этого вопроса не касался) стало поднимать вопрос о качестве того, что мы получаем за деньги налогоплательщиков. Понятно, что грань очень зыбка, когда речь идет о художественном совершенстве или его отсутствии, но, честно говоря, такого количества откровенной халтуры, которая развелась под видом искусства, никогда не было. Это превосходит все разумные пределы. Проблема еще и в том, что художественная критика, которая должна быть посредником между публикой и художником, сегодня выполняет либо пиаровские функции, либо скандально-разносные. Сегодня почти не существует художественной критики в старом смысле слова. Вообще должна быть идея самосознания культуры, но мы сталкиваемся еще и с тем, что суждения публики и суждения критики часто расходятся. Иногда дистанция между ними, с моей точки зрения, становится критически опасной. С одной стороны, публика не вполне готова к встрече с современным искусством, а критика ей в этом не помогает. С другой стороны, критика более ангажирована, чем публика. Я приведу простой пример. Нас очень тревожит сужение репертуара филармонической музыки. Все хотят Моцарта, Чайковского, Вивальди, Генделя, Рахманинова. Современная музыка исполняется крайне редко, и мы будем, видимо, стимулировать, то есть дополнительно финансировать оркестры, которые исполняют современную музыку. Потому что возникает опасная тенденция: если не исполнять современную музыку, то люди перестают ее слышать, а потом отворачиваются и от серьезной классики, удовлетворяясь облегченными вариантами популярных пьес Вивальди или Моцарта. И это очень серьезная проблема. То же самое относится к литературе, к литературно-художественной критике, которая занимается литературным процессом, кинопроцессом и т. д. Это требует внимания.

- И все же вернемся к деятельности нашего лидера...

Тут, вероятно, стоит поговорить о возвращении идеи госзаказа. Почему мы сегодня много думаем о госзаказе, о том, что нужно нам предлагать какие-то темы?

Мне кажется, это связано с тем, что одна из проблем сегодняшнего творческого процесса – это сами художники. Дело не в том, что я лучше художников понимаю, что надо создавать. Но я вижу, как люди не успевают за сегодняшней жизнью. Я вижу, что не было сделано ни одной картины, осмысливающей, скажем, 90-е годы. Когда самым ярким событием становится бестселлер Юрия Давыдова, к примеру, это понятно. Такого класса произведения можно заказывать. И нужно заказывать. Приведу пример. К 60-летию Победы мы хотели сделать фильм по Гроссману. Никто не смог. Да, он архаичен уже. Да, мы знаем больше. Да, мы по-другому немножко чувствуем, но нет сейчас такого масштаба произведения, которое бы охватывало советскую жизнь и так бы рассказывало о войне и о Сталине. Я с разными режиссерами говорил, мне предлагали разные варианты. Никто не решился. И вот это мы должны стимулировать. Если кто-то захочет поставить Толстого, пусть это будет госзаказ. Когда приходит режиссер Соловьев и говорит, что хочет ставить Чехова, я предлагаю ему госзаказ. В 2004 году отмечается 100-летие со дня смерти Чехова. Надо что-то сделать неординарное.

- Как вам представляется, зависит ли от личности лидера, от его склонностей и художественных и пристрастий некая культурная ситуация?

У Владимира Владимировича Путина есть одно замечательное качество: он очень воспитанный человек, несмотря на какие-то отдельные фразеологические выплески. И он никогда не навязывает своих вкусов. Он достаточно закрытый человек. Если Михаил Сергеевич Горбачев и даже Борис Николаевич Ельцин были более открыты в этом смысле, более очевидны были их интересы и привязанности, то в отношении Путина я не берусь об этом говорить. Могу только сказать, что он в высшей степени корректный человек.

5. Восстанавливается ли по вашему мнению государственная опека культуры? Нуждается ли в этом русская культура на данном этапе?

Конечно, опека восстанавливается, если употреблять это слово в его первоначальном смысле. Мы считаем, что надо сегодня довести производство кинокартин за государственные деньги до 100 в год. Нужно делать 300–400 частей документальных фильмов, 60–65 анимационных. Мы должны за это платить, во всяком случае до того момента, пока не заработает киноиндустрия, пока не заработает возвратный механизм, когда русское кино начнет возвращать вложенные в него деньги. Если государство хочет сохранить целый род или вид искусства, то поддержка нужна. Сегодня почти перестали писать симфонии. Все пишут прикладную музыку для телесериалов, для реклам. Мы начинаем потихоньку возвращать нормальную плату за симфоническую музыку, за драматургию. Момент очень спорный: а если никто не исполняет эти симфонии? потребности нет на рынке? Но не будет никогда потребностей на рынке, если нет предложений. Это иллю-

зия, что спрос диктует предложение. На самом деле предложение во многом формирует спрос.

- Вы считаете возможным заказывать крупные музыкальные произведения ?

Я скажу простую вещь. Иоганн Себастьян Бах ни одной ноты не написал не на заказ. А Гайдна Эстергази просто бил, когда тот не успевал написать новую симфонию к приезду гостей. Сегодня нет заказчика на симфоническую музыку, кроме государства. Мы не научили оркестры заказывать музыку. Мы не научили театры заказывать пьесы. Мы к этому придем, но пока этого нет, государство должно выступить посредником между композитором и симфоническим оркестром. Мы переживаем такой транзитный период, не самый лучший, не самый правильный. Но он такой, какой есть.

- Между тем, многие творческие люди государственной опеки не хотят, более того - боятся ее. Как вы считаете, почему?

Дело в том, что опыт плохой. В сознании художника государственная опека означает необходимость обслуживания государства. Кому это приятно? Сегодня очень хорошо заработали сегменты рынка. Это касается прежде всего беллетристики, от дамской литературы до астрологической. Все, что связано с этой сферой, само себя окупает. Марининой опека государства не нужна. Ей нужно, чтобы государство налоги не повышало. Ей нужно, чтобы оно было либерально по отношению к медицинскому страхованию. Это уже забота моя, кстати сказать. Это забота Министерства культуры: создать такое законодательство, при котором люди, зарабатывающие на рынке, могли себя чувствовать успешно. Это относится и к эстраде, которая нуждается в том, чтобы мы защитили ее от пиратства. То есть у государства есть целый ряд функций, в выполнении которых нуждаются даже самые либеральные художники. Живописцы вряд ли будут против, если им спишут с налогов стоимость красок, кистей, холстов или компьютера, если они занимаются каким-то дизайном. Это тоже забота государства. Поэтому опека может быть разной. Нужно создать такие условия, с моей точки зрения, для художников, чтобы они не чувствовали государства, а только чувствовали лучшие условия для работы. А что касается образования, то как оно может существовать без опеки государства? Кто будет в это вкладывать? Никто. Библиотечная система, музейная система, филармоническая музыка, оперные театры без опеки государства просто не выдержат.

б. Как соотносятся понятия «элитарность» и «народность» в новую эпоху?

Когда-то в Русском музее была замечательная выставка, которая называлась «Лубок и авангард». Эта выставка воссоздавала контекст, в котором рядом сосуществовали произведения авангардного искусства и лубок, например, деревенские

стеганные одеяла и какая-нибудь работа Малевича. Поэтому такое противопоставление во многом искусственно на самом деле. Народное и элитарное не противоположны друг другу. Противоположны друг другу массовая культура и культура как таковая.

- Есть какой-то конфликт на сегодняшний день между культурой массовой и серьезной, высокой культурой?

Я думаю, что творческого конфликта нет. Я думаю, что индустрия массовой культуры очень быстро и ловко перемалывает все открытия и превращает их в ширпотреб. Это серьезный вопрос, но это вопрос опять-таки критики, а не самой культуры. Надо просто точно знать, когда, в какой момент что происходит.

- Не ощущаете ли вы, что культура массовая подавляет и даже подминает под себя культуру серьезную и этот процесс необратим?

Меня больше сейчас волнует проблема публики, потому что ее надо воспитывать. И если это будет происходить, то элитарная культура не истончится и не исчезнет. С другой стороны, массовая культура питается элитарной. Скажем, элитарная культура 20-летней давности становится массовой культурой сегодня. Это процесс органичный, и ничего страшного тут нет.

7. Понимаете ли вы свою деятельность как служение и в каком смысле?

Я был бы совсем сумасшедшим, если бы сказал: «Да, я служу отечеству». Естественно, поскольку приватизировать культуру невозможно, то любой министр культуры – это человек, который служит культуре. Но, если он не понимает своей скромной роли и не понимает, что культура развивается помимо его усилий, слава Богу, то он совсем идиот. Понятно, что это миссия некоторая, но не надо к себе так уж серьезно относиться. Это миссия, но я не Мессия, так что все нормально.

8. Какое влияние оказывает на русскую культуру процесс глобализации мирового культурного пространства?

Я думаю, такое же, как на британскую, или французскую, или американскую. Потому что и американская культура испытывает очень сильное влияние вот этой массовой культуры. Фолкнер имеет такое же отношение к чтиву, которое там продается, как и Толстой. Что же касается влияния на русскую культуру процесса глобализации, то опыт показывает, что русская культура способна перемолоть любые иностранные влияния. Она этим сильна. Я думаю, что еще китайская культура такой же способностью обладает: брать зарубежное и превращать в

свое. Процесс глобализации тяжелый, и сейчас ЮНЕСКО готовит конвенцию о защите нематериального наследия, к которой Россия обязательно присоединится. Это очень серьезная проблема, потому что, если говорить о наследии нематериальном, то в России, как и во всем мире, исчезает фольклор. А сохранение фольклора – это одна из забот Министерства культуры, и очень серьезная. Мы будем этим заниматься основательно. Но носители народных традиций исчезают. Сегодня в России живут писатели, которые выросли на асфальте. Они по-другому слышат язык, они по-другому чувствуют природу, они по-другому ощущают мир. Это серьезный вопрос, и этим мы занимаемся. Поэтому сейчас мы делаем программу, которая называется «Русская культура Севера». Это Архангельск, Вологодская область. Места, где ген русской культуры не замутнен тюркоязычием и нашествием татаро-монголов, но ясно связан с поморской цивилизацией, то есть цивилизацией скандинавской, и там свои есть интересные вещи. Так что мы будем поддерживать сейчас очень интенсивно все, что связано с сохранением фольклорной культуры. Это очень важно.

- Многие боятся некоей унификации, которую несет с собой глобализация. Есть ли, на ваш взгляд, такая опасность и насколько она серьезна?

Конечно, есть. Глобализация – это вещь, испытующая всех. Глобализация – это серьезно. Но поскольку это как наводнение или проливной дождь, то это неизбежный процесс. Таким процессам бессмысленно противостоять. Поэтому надо оказывать очень серьезный протекционизм по отношению к своей культуре. Вот моя позиция.

9. Сложилась ли в России новые взаимоотношения церкви и государства и как это сказывается на русской культуре?

Начиная с конца 80-х годов русская церковь осуществляет реституцию своего имущества. Это происходит в определенной форме, достаточно мягкой. Передаются ритуальные сооружения, передается утварь религиозная и т. д. Я этим занимаюсь повсеместно последние лет десять. Мы передаем из музеев иконы, разного рода богослужебные предметы, возвращаем здания храмов. Процесс очень непростой, потому что, как правило, в отремонтированных, отреставрированных храмах помещались учреждения культуры. Поэтому мы параллельно строим и что-то подыскиваем. В частности, мы завершаем сейчас строительство Музея истории религий в Петербурге для того, чтобы освободить Казанский собор. Это дорогостоящее было дело. Долго длилось, и в апреле мы туда окончательно переедем. Таким образом, эти процессы идут. Они отражаются на русской культуре. Это большие средства, потому что сегодня мы реставрируем церковные здания. Это тоже отвлечение средств от культуры. Но в то же время надо понять, что, во-первых, русская православная церковь пострадала очень сильно в 20-м веке, она

была унижена, несмотря на то, что при большевиках восстановилось патриаршее правление, которого не было при русских монархах, начиная с петровских времен. И вообще отношения русской церкви с государством – это особая тема. Она напоминает скорее отношения англиканской церкви с государством, за исключением того, что король в Англии – глава англиканской церкви, а у нас все-таки патриарх есть. Я думаю, поскольку церковь страдала, то мы должны компенсировать ее потери. Хотя нередко начинают выяснять, кто страдал больше: украинцы, русские, евреи, русская православная церковь или мусульманская мечеть и т. д. Я думаю, это дурной счет, потому что страдания были общими и трагедия была общей в 20-м столетии.

10. Является ли завершение постсоветской эпохи, совпавшее с концом века и тысячелетия, завершением определенного этапа в развитии русской культуры, и можно ли говорить о новых тенденциях?

Я бы так сказал: внимательный историк искусства, внимательный критик каждые несколько лет находит новые тенденции. Это непрерывный процесс. И, конечно же, это происходит, но я не сторонник фетишизации чисел. Когда мы говорим о 21-м веке, пытаюсь понять, какой он, то не лучше ли посмотреть в зеркало. Все зависит от того, какими мы сами становимся. Мы мало изменились по отношению к прошлому столетию. Мы так же ленивы, так же не любопытны, так же измучены повседневными заботами, с одной стороны, а с другой, очевидно, что движение времени ставит перед нами совершенно новые, очень мучительные вопросы, и если не давать ответы на них, это приведет к нашей внутренней трагедии. Все в нас самих на самом деле. Мы все время говорим о кризисе нравственных ценностей, но об этом громче всего говорят люди, у которых никогда никаких нравственных ценностей не было. Ничего не изменилось. У кого они были, у того они есть. У кого их не было, у того их нет. Не надо думать, что от социального строя зависит поведение человека. Я всю жизнь занимался Просвещением, восемнадцатым веком. Тогда была такая иллюзия: отдайте нам детей, и мы сделаем через три поколения новых людей. Никаких новых людей не сделать. Мы такие, какие есть. В общем человеческое сообщество погибает тогда, когда оно перестает заботиться о детях и стариках. Значит, оно обречено. Отсюда вырастают все нравственные максимы, которые существуют.